

М.Г. Качурин

Кто же настоящие герои?

Изображая войну, Толстой следует принципам, которые выработал в пору «Севастопольских рассказов»: он показывает не скачущих воинов с развернутыми знаменами и их полководцев, не парад, не блеск побед, а военные будни, рядовых солдат, их повседневный тяжелый труд. Он раскрывает внутренний мир обыкновенного человека, обладающего неповторимой индивидуальностью, привлекающего своей душевной красотой. Писатель утверждает, что от воли и усилий массы таких вот простых, обыкновенных людей зависит исход исторических событий.

Вспомним главы, посвященные Шенграбенскому сражению. Перед нами пехотные полки, расстроенные под влиянием бессмысленного и страшного слова «Отрезали!». «Нравственное колебание, решающее участь сражений, очевидно, разрешилось в пользу страха». Но тут на выручку приходит скромный, незаметный Тимохин. Не численное превосходство, не стратегические планы мудрых полководцев, а воодушевление ротного, увлекшего за собой солдат, повлияло на ход сражения. «Тимохин с таким отчаянным криком бросился на французов и с такою безумною и пьяною решительностью, с одной шпажкой, набежал на неприятеля, что французы, не успев опомниться, побросали оружие и побежали».

Писатель показывает героизм человека, которого никто не считает героем, который и сам меньше всего думает о своем героизме. Но недаром Кутузов запомнил Тимохина и назвал его во время смотра в Браунау «Измайловским товарищем», «храбрым офицером». Видно, не в первый раз совершил истинно героический поступок скромный офицер.

После этой сцены мы попадаем на батарею Тушина. Действуя по собственной инициативе, Тушин со своими артиллеристами решает исход сражения, сам того не зная.

В разгар боя и Тушин, и солдаты возбуждены, веселы, необыкновенно деятельны. Их чувства едины. «Солдаты... все, как дети в затруднительном положении, смотрели на своего командира». А он обращается с ними не как начальник, а как добрый друг. Своего любимого солдата он называет «дядей», любит каждого его движением, к фейерверкеру обращается ласково: «голубчик», советуется с фельдфебелем Захарченко, к которому испытывает большое уважение. В каждом слове Тушина звучит простота и необыкновенная доброта. «...Милая душа! прощайте, голубчик», — говорит он князю Андрею.

Толстой неоднократно подчеркивает, что в облике Тушина нет ничего военного и тем более воинственного. Вспомним, как отдают честь начальству он и Жерков. Тушин с его слабыми, робкими и неловкими движениями делает это «совсем не так, как салютуют военные». Жерков же салютует «бойко, не отнимая руки от фуражки». Но в бою Жерков струсил, а Тушин показал себя настоящим воином. Недаром в том фантастическом мире, который под влиянием крайнего напряжения душевных сил сложился в его голове, «сам он представлялся себе огромного роста, мощным мужчиной, который обеими руками швыряет французам ядра». Внешне Тушин совсем иной, но такова сила его духа.

Читая описание ночи после сражения, мы слышим простые, обыденные разговоры солдат у костров:

«— Цел, Петров? — спрашивал один.

— Задали, брат, жару. Теперь не сунутся, — говорил другой».

Два солдата дерутся из-за сапога:

«— Как же, ты поднял! Ишь, ловок! — кричит один хриплым голосом».

«...Худой, бледный солдат с шеей, обвязанной окровавленной подвороткой... сердитым голосом требовал воды у артиллеристов.

— Что ж, умирать, что ли, как собаке? – говорил он».

И тут же звучит веселый голос солдата-балагура: «Огоньку горяченького в пехоту! Счастливо оставаться, землячки, благодарим за огонек, мы назад с процентой отдадим».

Разные голоса, разные жизни, интересы, судьбы. Кончился бой, и люди так же, как и Тимохин, как и Тушин, героически сражавшиеся с врагом, вернулись к военным будням.

Но вот от солдатских костров писатель ведет нас в избу, где собрались генералы. Здесь разговоры иные. Все приписывают себе небывалые подвиги, подчеркивая свою роль в сражении. В глазах этих самодовольных людей жалко выглядит фигурка Тушина — истинного героя дня.

Героизм и трусость, простота и тщеславие противоречиво переплелись в помыслах и поступках участников сражения под Шенграбеном. Но мы не можем не видеть, что решающей силой в сражении явились единство и одушевление тысяч рядовых воинов, не думающих о славе и наградах. И мы приходим к мысли, что на войне, как и вообще в истории человечества, деятельность людских масс, связанных единством чувств и стремлений, определяет ход событий.

На протяжении всего романа писатель противопоставляет народную Россию «огромному, блестящему и беспокойному миру» придворных вельмож, военных интриганов и карьеристов, глубоко равнодушных к судьбам родины. Даже Бородинское сражение для них «только такая минута, в которую можно подкопаться под врага и получить лишний крестик или ленточку».

И в день Бородинского сражения, как ни в чем не бывало, собираются гости в блистательном салоне Шерер. Анна Павловна «угощает» своих посетителей письмом, переполненным ложно-патриотическим красноречием. В ушах у нас еще звучат гром канонады, плач женщины, потерявшей на пожарище ребенка, стоны раненых на перевязочном пункте. А князь Василий с ложным воодушевлением читает фальшивые слова: «Первопрестольный град Москва, Новый Иерусалим, приемлет Христа своего... яко мать во объятия усердных сынов своих...»

Мы видим, какая пропасть отделяет петербургские салоны, двор от народной жизни. Всем этим «придворным трутням» не дано было «сознавать опасность и то трудное положение, в котором находился русский народ». Без их помощи и участия он сам берется за оружие.

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог? —

спрашивал Пушкин в X главе «Евгения Онегина». И сам Пушкин, и автор стихотворения «Бородино» Лермонтов, и Толстой считали войну 1812 года народной, понимая, что именно народ одержал победу над прежде непобедимой армией Наполеона.

Эта точка зрения на Отечественную войну наиболее отчетливо выражена в беседе князя Андрея с Пьером накануне Бородинского сражения. Вспоминая войны 1805–1807 годов, Болконский утверждает: мы «ходили драться в Австрию и Пруссию, сами не зная зачем». О войне 1812 года он говорит совсем по-другому: «Французы разорили мой дом и идут разорять Москву, оскорбили и оскорбляют меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники все, по моим понятиям. И так же думает Тимохин и вся армия. Надо их казнить».

Цели Отечественной войны ясны каждому ополченцу, крестьянину, солдату. Общее мнение выражает солдатик, встретившийся Пьеру в Можайске: «Всем народом навалиться хотят; одно слово — Москва. Один конец сделать хотят».

Бородинская битва изображается как «народное сражение». «Скрытая теплота патриотизма», разгоревшаяся в душе каждого воина, и общий «дух войска» обусловили победу русских.

Вспомним сцены на батарее Раевского. И молоденький офицерик, и Пьер, и красно-рожий солдат — все охвачены общим чувством, хотя никто прямо не высказывает его.

В Бородинской битве раскрывается подлинная красота русского человека. Толстой утверждает, что русскими была одержана «победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии». На наполеоновскую Францию в этой битве «была наложена рука сильнейшего духом противника».

Толстой рисует величие подвига борющегося народа и вместе с тем тяготы, бедствия, муки, которые приносит война. Мужики разорены. В огне пожарищ гибнут города и села. Больно смотреть на «поломанную, выбитую, как градом, рожь», на дорогу, проложенную артиллерией по пашне.

Вспомним отступление наших войск по смоленской дороге или преследование французов зимой 1812 года. Какие тяжкие лишения вынесли на своих плечах русская армия, русские крестьяне! Людей «с изуродованными страданием лицами», «испуганных или обезумевших солдат», «бедствия народа и войска» — все это правдиво рисует писатель. Но все это он называет «страшной необходимостью» и с любовью, с гордостью и восторгом говорит о тех, кто вынес тяжкие испытания во имя освобождения родной земли. Слова Кутузова: «чудесный, бесподобный народ» — это и слова самого автора.